

Матеріалы для біографіи Ржевскаго Протоіерея Матвея Александровича Константиновскаго ¹⁾.

Въ Петровскій постъ 1856 года Батюшка Матвей Александровичъ возвращался изъ С.-Петербурга въ Ржевъ. Изъ Твери я провожалъ его за Желтиковъ монастырь. Бѣжавши вмѣстѣ, просилъ, чтобы онъ сообщилъ или написалъ замѣчательнѣйшіе случаи изъ жизни своей; при этомъ я представлялъ въ примѣръ жизнеописанія старца Серафима и Марка Подвижника и говорилъ, что съ удовольствіемъ читаешь эту книжку, и выставленные въ ней примѣры весьма назидательны: «точно въ такомъ же родѣ и описаніе вашей жизни было бы для насъ,—и нравоучительно, и было бы намъ по крайней мѣрѣ на память».

На это Батюшка отвѣтилъ мнѣ слѣдующими словами: «я отъ этого не прочь; можно писать; только никто этому не повѣритъ» (и рассказалъ при этомъ одинъ случай изъ жизни своей, о которомъ я и прежде слышалъ);—«соберётесь вмѣстѣ, поговорите,—вотъ вамъ и біографія моя».

Вполнѣ убѣжденъ, что жизнь Батюшки, такъ, какъ она текла, нельзя описать; были такіе случаи, о которыхъ онъ, по усиленной о томъ просьбѣ сына своего, обѣщаль сказать, когда умирать будетъ,—но о нихъ не сказалъ.

Но, не менѣе того, о жизни Батюшки остались въ памяти и такіе случаи, о которыхъ онъ иногда и молчалъ, но они дѣлались извѣстными и отъ лицъ, и отъ мѣста, для коихъ Батюшка трудился во всю свою жизнь. Вотъ

¹⁾ По возможности сохранена орѳографія подлинника. *Ред.*

эти-то послѣдніе случаи, по лицамъ и по мѣсту, я хочу написать, вмѣсто личнаго разговора съ тѣми, которыхъ самъ зналъ и знаю. Будетъ ли кто вѣрить этому, — мнѣ до этого дѣла нѣтъ; я пишу для тѣхъ, которые знали Батюшку, а совершенно не для того, чтобы передать это печати. Къ этимъ случаямъ присоединены мною и факты изъ дѣлъ.

Батюшка родился 6 Ноября 1791 года отъ Діакона Новоторжскаго уѣзда села Константинова Александра Андреевича; мать его звали Марфа Афанасьевна. Въ 1799 году отданъ былъ въ Тверскую Семинарію для обученія, съ коего времени, обучаясь въ оной съ низшихъ школъ, кончилъ курсъ Богословскаго ученія. Прошелъ всѣхъ восемь классовъ, именно: классъ чистописанія, — Информаторіи, Инфимы, Сянтаксимы, Поэзіи, Риторики, Философіи и Богословія. Первые четыре класса въ Торжкѣ, затѣмъ послѣдніе четыре класса въ Твери.

Сначала способности его были тупы; по совѣту одного учителя и товарищей, молился Св. Ефремію Чудотворцу, Архимандриту Новоторжскаго Борисо - Глѣбскаго монастыря, и, Богъ далъ, способности его, при непримѣрномъ прилежаніи, стали лучше. Объ этомъ онъ такъ рассказывалъ: усердно молясь Преподобному Ефремію ночью, онъ какъ бы забылся; вдругъ предсталъ предъ нимъ Угодникъ Божій съ кѣмъ-то другимъ, благословилъ его голову, и въ это мгновеніе какъ бы покрывало снялось съ его головы, — и тутъ же почувствовалъ свѣжесть и легость въ головѣ, и все стало ему понятно и удобно къ восприниманію. Съ тѣхъ поръ и до конца жизни память имѣлъ необыкновенную.

Грамотѣ началъ учить его дѣдушка; будучи 6 ти лѣтъ, онъ читалъ уже свободно Четьи-Миней мужичкамъ, которые заходили къ дьякону въ домъ, въ промежутокъ времени отъ утрени до обѣдни. Особенно любилъ ходить въ церковь и читать на клиросѣ, за что священникъ давалъ ему по просфорѣ.

Съ товарищами учениками былъ друженъ, уступчивъ и особенно любилъ подавать милостыню нищимъ. За это квартировавшіе съ нимъ упрекали его, бранили и оставляли отъ этого благочестиваго дѣла, говоря: «что ты, Константиновскій, дѣлаешь? гдѣ намъ подавать милостыню! сами мы чуть-чуть не нищіе, какой достатокъ у семинариста!» Но, несмотря на это, Константиновскій, хоть украдкой, а что-нибудь да подастъ.

Кромѣ сего, какъ и всѣ ученики того времени, любилъ пѣть канты и игралъ на флейтѣ. Во время вакацій, дома и въ гостяхъ бывши, ходилъ на собранія двѣушекъ (посѣдки), игралъ въ хороводы и пѣвалъ хороводныя пѣсенки. Любилъ остроты и подшучивалъ, но не касаясь ничьей личности, а болѣе рассказывалъ анекдоты, шуточные, но не менѣе того правоучительные.

Въ 1810 году отецъ его умеръ; Матвей Александровичъ остался единственнымъ кормильцемъ всего семейства, состоящаго, кромѣ его самого, изъ матери и двухъ сестеръ, двѣушекъ: Ольги и Аграфены. Для предоставленія такому семейству средствъ къ существованію, съ 16 Мая 1810 года за Матвеемъ Александровичемъ предоставлено было мѣсто отца его, въ означенномъ селѣ Константиновѣ, впредь до разсмотрѣнія, по резолюціи бывшаго Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго Мееодія.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1813 года изъ Тверской Духовной Консисторіи сдѣланъ былъ Тверской Духовной Семинаріи запросъ, не пожелаетъ ли кто изъ Студентовъ Богословія, окончившихъ курсъ ученія, поступить въ Осѣченскій погостъ Вышневолоцкаго уѣзда въ Діаконы. Матвей Константиновскій, по окончаніи курса, хотѣлъ идти въ монахи, но мать убѣдила его выдти на мѣсто, потому что, будучи вдова и имѣя двухъ дочерей малолѣтнихъ, жила въ крайней бѣдности, и если бы сынъ ея пошелъ въ монастырь, то онѣ остались бы совершенно безъ пропитанія. И такъ какъ мѣсто діакона въ селѣ Константиновскомъ было гораздо бѣднѣе, чѣмъ то же мѣсто въ Осѣчнѣ,

погостѣ трехкомплетномъ, то Матвей Константиновскій, желая исполнить волю матери и жить для Бога, объявилъ желаніе по вышесказанному вызову Консисторіи заступить діаконское мѣсто въ Осѣчнѣ. Къ этому убѣждалъ его родной дядя по матери, Ефремъ Афанасьевичъ, который опредѣлился въ діаконы въ село Млѣво Вышневолоцкаго уѣзда; и какъ они вмѣстѣ учились, вмѣстѣ выросли и жили очень дружелюбно, то поступленіе въ Осѣчню было еще и для того, чтобы, живя неподалеку другъ отъ друга, имѣть частое свиданіе.

Семинарское Правленіе отвѣтило Тверской Духовной Консисторіи, что «указъ Богословія Студентамъ по надлежащему объявленъ, и заступить означенное діаконское мѣсто объявилъ желаніе Богословія студентъ Матвей Константиновскій, который ученія хорошаго, поведенія честнаго, по Семинарскимъ журналамъ ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ не замѣченъ и въ послѣдній бывший разборъ къ отсылкѣ въ военную службу не слѣдовалъ». Надпись на Семинарскомъ рапортѣ: «Означенный въ рапортѣ студентъ Матвей Константиновскій въ Присутствіи Тверской Консисторіи свидѣтельствованъ, и оказалось, что онъ по книгамъ читаетъ и поетъ, по нотѣ и наслышкой, хорошо; пространный Катихизисъ на память знаетъ; силу Православнаго исповѣданія, должность діакона, уставъ церковный и первыя дѣйствія Ариѳметики понимаетъ; проповѣдь читать умѣетъ и пишетъ хорошо. Октября 1813 года».

Послѣ этого Матвею Константиновскому былъ форменный и публичный экзаменъ въ Консисторіи. Прилагаю при семъ подлинную копію съ этого экзамена.

Копія.

Экзаменъ,

учиненный въ Присутствіи Тверской Консисторіи Тверской Семинаріи Богословія Студенту Матвею Константиновскому, просящему о произведеніи себя Вышневолоцкаго уѣзда въ село Осѣчно къ трехкомплетной церкви на праздное діаконское мѣсто.

Вопросы, задаваемые въ Присутствіи Консисторіи.	Отвѣты на оныя, писанные Студен- томъ Константиновскимъ въ Присут- ствіи Консисторіи.
1) Чѣмъ доказать не- обходимость Св. Писанія.	Необходимость Св. Писанія дока- зывается: 1) Божественнымъ хотѣ- ніемъ; 2) состояніемъ людей; 3) мно- горазличными пользами онаго писанія къ людямъ; 4) свидѣтельствомъ Св. Апостоловъ: Павла къ Филии глав. 3 и Іуды глав. 1.
2) Въ чемъ сходству- ють между собою или различествуютъ Богосло- віе и вѣра (fides).	Вѣра и Богословіе сходствуютъ ме- жду собою въ томъ: 1) что и той и другой виновникъ Самъ Богъ, почему и называются обѣ дарами Божиими. (Іак. гл. 1 и Ефес. гл. 3; 2) что и та и другая имѣють началомъ своимъ Св. Писаніе.—Различествуютъ же въ томъ, что Богословіе состоитъ въ таинствахъ сокровенныхъ отъ Бога,— Пер. Кор. гл. 2, а вѣра въ твердомъ упованіи на Бога къ Евр. гл. 11.
3) Что есть религія Христіанская?	Религія Христіанская есть образъ Богослуженія, состоящій въ истинной во Христа вѣрѣ и нелицемѣрной люб- ви къ Богу, ближнему и самому себѣ.
4) Нѣсть власть, аще не отъ Бога, къ Рим. гл. 13, — и повинитесь всякому созданію чело- вѣка; — какъ можно со- гласить сіи мѣста?	Установленіе власти есть Боже- ственное, а учрежденіе оной человѣ- ческое. Поелику особы на сіе изби- раемы бывають хотя отъ людей, впро- чемъ не безъ воли Божіей; и такъ мѣста сіи нисколько другъ другу не противорѣчаютъ.
5) У Еванг. Матвея въ 4-й главѣ говорится, что Исусъ Христосъ началъ проповѣдывать Евангеліе со времени заключенія Іоанна въ темницу, а у Еванг. Іоанна въ пер- выхъ главахъ, что онъ проповѣдывалъ до сего времени; какъ это согла- сится?	У Евангелиста Матвея въ первыхъ главахъ опущено все то, что у Еван- гелиста Іоанна въ первыхъ четырехъ главахъ содержится. И потому Еван- гелисты въ разсужденіи сего между собою согласны.

Вопросы, задаваемые въ Присутствіи Консисторіи.	Отвѣты на оныя, писанные Студен- томъ Константиновскимъ въ Присут- ствіи Консисторіи.
6) Какъ изъяснить текстъ 1-го къ Коринѣ. гл. 8, ст. 1-й „разумъ кичить“. 7) Почему Иродъ Архелай у Св. Матвея называется царемъ, когда онъ не былъ таковымъ, по свидѣтельству Іосифову? 8) Когда, гдѣ, при комъ и противъ кого былъ 7-й Вселенскій соборъ? 9) Что значать слова, возглашаемыя діаконъ: „премудрость, прости“?	Въ семь мѣстъ Св. Апостолъ Павелъ оуждаетъ пустое человѣческое званіе, съ великою надменностію соединенное. Званіе же сіе напыщаетъ людей не само по себѣ, но случайно, т.-е. по злоупотребленію тѣхъ полученныхъ хвастуновъ, которые, пренебрегая собственную пользу, стараются въ безстыдныхъ и неосновательныхъ спорахъ выставить предъ другими свое званіе пустое, или лучше глупость. Евангелистъ Матвей Ирода Архелая называетъ царемъ потому, что простой народъ таковымъ его называлъ; Августъ же, Римскій Кесарь, объявилъ его не царемъ, а единовластникомъ. Сей Вселенскій 7-й соборъ былъ 787 года въ Никее при Греческомъ царѣ Константинѣ VII и матери его Иринѣ, противъ Иконоборцевъ. Сии слова возглашаетъ діаконъ для возбужденія предстоящихъ людей къ слышанію премудрости, содержащейся въ Св. Евангеліи,—и еще для того, дабы слышатели были прости, т.-е. стояли бы прямо и отчищенные отъ мірскихъ понеченій мысли обратили бы и устремили къ слышанію онаго. Сии отвѣты на задаваемые вопросы въ Присутствіи Тверской Консисторіи писалъ Тверской Семинаріи Богословія Студентъ Матвей Константиновскій. Октября 6 числа 1813 года.

По представленіи означенныхъ экзамена, справки и выписки изъ законовъ Архіепископъ Меодій на діаконское въ Осѣчѣ мѣсто опредѣлилъ Матвея Александровича, въ ему изъ Консисторіи былъ выданъ видъ жениться на двѣхъ изъ духовнаго званія.

Сватовство и женидба были очень обыкновеннымъ образомъ. У Матвея Александровича, въ селѣ Упирвичахъ Новоторжскаго уѣзда, была родная бабушка (мать его матери), старушка-попадья; къ ней онъ хаживалъ, бывши Семинаристомъ, во время вакаціи и гащивалъ у ней. Въ этомъ селѣ былъ Священникъ Дмитрій Григорьевъ, чловѣкъ умный по тогдашнему времени и не бѣдный; у него была между другими дѣтьми и дочь Марья. Матвей Александровичъ бывалъ въ собраніи дѣвицъ, поигрывалъ на флейточкѣ; поэтому онъ зналъ Марью Дмитріевну еще въ дѣвицахъ; бывалъ у нихъ въ домѣ, а отецъ Дмитрій Григорьевичъ очень любилъ и уважалъ Матвея Александровича за то, что сей не пилъ ни пива, ни вина, не курилъ и не нюхалъ табаку, что считалось тогда высшими достоинствами, а особенно въ Студентахъ. Вотъ по этимъ причинамъ Матвей Александровичъ, кончивши курсъ и получа діаконское мѣсто въ Осѣчнѣ, сдѣлалъ предложеніе означенному Упирвическому Священнику, который принялъ оное съ удовольствіемъ; отдалъ за него въ замужество дочь свою Марью, по согласію ея, и вѣроятно не безъ взаимной любви одинъ къ другому.

Свадьба была въ Упирвичахъ. Вѣнчалъ 9-го Ноября 1813 года Новоторжскаго уѣзда Петропавловскаго погоста Священникъ Фролъ Петровъ. Къ вѣнцу Матвей Александровичъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Марьею Дмитріевною вдвоемъ, въ простой телѣгѣ, съ некованными колесами; возжи у лошади были пеньковые, а у хомута гужи веревочные. Сидя въ этой телѣгѣ, думалъ (объ этомъ самъ онъ сказалъ мнѣ въ день свадьбы своего сына, на коей я былъ дружкой), какъ Господь послалъ рабу Св. Авраама Своего Ангела, сопутствующаго въ избраніи Св. Исааку въ супругу Ревекки, и, вѣрно, просилъ Господа, — подобно какъ Авраамъ напутствовалъ молитвою своего раба, — благословить ихъ путь и супружескую жизнь.

Приданое дано было по тогдашнему времени весьма богатое, именно: 500 руб. денегъ, лошадь со всею запряж-

кою, корова; одна шуба, сшитая послѣ вѣнца, парчевая, стоила 150 руб., 5 платковъ тканыхъ золотомъ, 5 китайскъ алыхъ, голубыхъ и черныхъ съ лентами и позументами, не считая штофныхъ и гарнитуровыхъ шубъ и ферезей.

На эти деньги надобно было посвятиться и обзавестись хозяйствомъ, необходимымъ для сельскаго жителя,—купить домъ и все, что нужно въ домѣ. Этихъ потребностей я описывать не стану;—кто живалъ въ деревнѣ и велъ хозяйство, тотъ знаетъ все это.

Во Діаконы Матвей Александровичъ произведенъ 20 Февраля 1814 года Меводіемъ, Архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ.

По поступленіи на мѣсто началась жизнь мірянина, христіанина и Діакона. Семья была изъ пяти душъ: самъ съ женою, мать съ двумя дочерьми. Какъ мірянинъ, самъ пахалъ, сѣялъ, косилъ, жалъ, сушилъ овины, молотилъ, вѣялъ, словомъ сказать, всѣ работы исправляемы были своимъ семействомъ безъ помощи другихъ. По вечерамъ вязывалъ чулки, варяжки или вязавицы.

Какъ христіанинъ, безъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ, безъ чтенія Евангелія и Апостола и другихъ святыхъ книгъ ни одного дня не начиналъ и ни одной ночи не проводилъ. Посвятившись въ Діакона, не сталъ ѣсть мяса, а въ среду и въ пятокъ всегда ѣлъ по однажды въ день, хотя находился постоянно въ великихъ трудахъ.

Часовъ никакихъ не было, а время, т.-е. который часъ или какъ поздно и рано, узнавалъ ночью по звѣздамъ, а днемъ по солнцу.

Съ женою жилъ въ удивительномъ согласіи и любви. Когда уѣзжалъ въ поле пахать, то бралъ съ собой за пазуху какую-либо книжку, особенно бралъ читать «Скрижалъ или Камень Вѣры». Сюда приходила къ нему жена съ шитьемъ и, сидя на межѣ, шила, а когда видѣла, что мужъ ея уставалъ пахавши, тогда она оставляла шитье, сама брала соху и пахала; въ это время Матвей Александровичъ отдыхалъ немного, или, вмѣсто отдыха, вы-

нималъ изъ-за пазухи взятую книгу и читалъ. И такъ вмѣстѣ проводили время въ неимовѣрныхъ трудахъ.

Дома передъ образомъ Θεодоровскія Божія Матери всегда теплилась лампада. Когда недоставало деревяннаго масла, то ходилъ по селу и занималъ или покупалъ, а когда не могъ достать деревяннаго масла, тогда вливалъ въ лампадку постваго,—простаго. Впрочемъ сіе послѣднее, какъ самъ онъ говорилъ, «плохо горѣло, все гасло». Въ продолженіе всей жизни было правиломъ, чтобы предъ образомъ горѣла лампадка.

Въ пуждахъ семейныхъ или домашнихъ выручалъ его бывшій въ Осьчнѣ Красилицинъ, крестьянинъ села Еська Бѣжецкаго уѣзда, Парамонъ Тихановъ.

Какъ служитель святыя церкви, совершалъ службу съ удивительными вѣрою и страхомъ Божиимъ и всегда съ приготовленіемъ. Въ Воскресные и праздничные дни, послѣ заутрени до обѣдни, въ домѣ его собирались прихожане, которымъ онъ читалъ слово Божіе, житія Святыхъ и поученія ихъ же; а время послѣ обѣдни употреблялъ не на отдыхъ, а испросивъ благословеніе отъ Священника, которому принадлежала деревня (въ Осьчнѣ было три священника, между коими былъ раздѣленъ приходъ), ходилъ пѣшкомъ (иногда въ лаптяхъ по неимѣнію сапоговъ) въ тѣ деревни, въ которыхъ были раскольники, которые, узнавши объ его приходѣ, собирались въ одно мѣсто и слушали Божіе слово, и домой возвращался уже вечеромъ.

Въ такихъ трудахъ Матвей Александровичъ съ семействомъ былъ бѣденъ до крайности; но милостыньку нищимъ подавалъ изъ послѣдняго и принималъ странныхъ. И несмотря на это, Господь помогъ выдать за мужъ одну сестру Ольгу Александровну въ село Козлово Вышневолоцкаго уѣзда за причетника Андрея Михайловича, который теперь въ селѣ Ильгощахъ Бѣжецкаго уѣзда Діакономъ.

Здѣсь не лишнимъ будетъ сказать и о томъ, какъ Матвей Александровичъ и Марья Дмитріевна были почти-

тельны къ матери. Матушка носила вериги, была постница и богомольная, и раздѣляла съ дѣтьми всѣ домашніе труды. Что касалось домашнихъ дѣлъ, все исполнялось по ея совѣту и безъ ея совѣту не дѣлалось ничего; когда же бывала не въ духѣ, то Матвей Александровичъ и Марья Дмитріевна кланялись ей въ ноги, прося прощенія и умоляя сказать причину неудовольствія, и она обнимала обоихъ и плакала, говоря: «что вы? Богъ васъ простить. Мнѣ показалось непріятно вотъ то и то, выставляя причины, вовсе ничего незначащія». И они опять просили прощенья, что обидѣли неумышленно. Надобно было видѣть, какъ и она ихъ любила. Часто говаривала: «Матюша и невѣстка, какъ мнѣ за васъ молиться, не знаю! Богъ вамъ заплатитъ и дѣтямъ вашимъ за вашу любовь и покорность ко мнѣ».

Эта старушка матушка, желая видѣть сына своего Священникомъ, въ простотѣ сердца говаривала: «пора тебѣ, Матюша, быть Священникомъ, вѣдь ты Богословъ». На это Матвей Александровичъ такъ всегда отвѣчалъ: «и, матушка, есть о чемъ толковать! домой на печку указъ пришлютъ». Это онъ говорилъ по своему дивному смирению и вѣрѣ въ Бога, Который устами Св. Апостола Павла сказалъ: «никтоже самъ о себѣ пріемлетъ честь, но токмо званный отъ Бога, якоже и Ааронъ». «Если угодно будетъ Господу, то буду и Священникомъ». «Дожидайся, говорила матушка, когда тебѣ пришлютъ указъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріали для біографіи Ржевскаго Протоіерея Матвея Александровича Константиновскаго ¹⁾.

Безъ Бога ни до порога: о Немъ бо живемъ и дви-жимся, и есмы. Всякой это знаетъ; но Господь особенно хранитъ того, кого Онъ захочетъ избрать исполнителемъ святыхъ воли Своея! Слѣдующіе случаи изъ жизни Діакона Матвея Александровича докажутъ это еще лучше:

1) Бывши Діакономъ, Матвей Александровичъ, по согласію Священниковъ и прихожанъ, былъ строителемъ колокольни въ селѣ Остѣчнѣ; на его волю предоставлено было выбрать планъ колокольни и все дѣло постройки опой; въ чемъ Матвей Александровичъ и успѣлъ, съ свойственнымъ ему успѣхомъ. Противъ этого избранія протестовалъ одинъ только прихожанинъ села Остѣчни, Генералъ-Маіоръ Иванъ Денисьевичъ Цыбульскій, по слѣдующимъ причинамъ.

2) Однажды г. Цыбульскій началъ очень громко разговаривать въ церкви съ мужичками, съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ благопристойности, безъ уваженія и благоговѣнія къ мѣсту, какова церковь. Въ это время Матвей Александровичъ, по должности Діакона, былъ въ алтарѣ при совершеніи проскомидіи, и, услышавъ шумъ въ церкви, сказалъ Священнику: «батюшка, хоть бы вы остановили этого Генерала; вѣдь не хорошо; мы здѣсь жрѣмъ агнца Божія за грѣхи всего міра, а онъ мутитъ». На это Священникъ отвѣчалъ: «да, если боекъ, то поди и самъ скажи

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол.* Чт. 1909 г.

ему». Съ духомъ ревности Іліи Пророка, Матвей Александровичъ сказалъ Священнику: «благословите» и, получа оное, вышелъ изъ алтаря, и, вслухъ всей церкви, такъ знатно поставилъ на видъ Генералу его безпорядки неумѣстные, что, несмотря на важность сана своего, г. Цыбульскій принужденъ былъ замолчать. Но замолчала ли за это ненависть его къ Діакону?

3) Второй случай недоброжелательства г. Цыбульскаго къ Матвею Александровичу былъ слѣдующій. Г. Цыбульскій предположилъ крѣпостнаго своего парня обвинять на крѣпостной же дѣвушкѣ, но между ними было родство и, по правиламъ св. Церкви, бракъ этотъ возбранялся. Священники по страху ли знатности барина, или по другимъ какимъ причинамъ, были въ отношеніи этого брака и туда, и сюда, т.-е. и вѣнчать, и нѣтъ, но Діаконъ никакъ не соглашался. За это справедливое непослушаніе г. Цыбульскій до того разсердился на Матвея Александровича, что, пріѣхавши къ его дому подъ окно, бранилъ и грозилъ, во чтобы-то ни стало, выгнать изъ Осѣчни и вовсе уничтожить и приказалъ явиться къ себѣ въ домъ, съ цѣлю сдѣлать съ нимъ раздѣлку... (я думаю, слышали, какъ господа, въ приходѣ состоящіе, въ старину раздѣлывались съ Священноцерковнослужителями?). Въ этотъ пріѣздъ Генерала, Матвея Александровича не было дома. По приходѣ, домашніе рассказали о вышеизложенномъ и о приказаніи Генерала. Дѣлать нечего, хотѣлось или не хотѣлось, а идти было надобно. Помолившись Богу и Божіей Матери и простившись съ домашними... не безъ слезъ... Матвей Александровичъ пошелъ къ Генералу, который, зазвавши гостя въ кабинетъ и заперши дверь, хотѣлъ было усовѣщевать... Но что жъ вышло? Матвей Александровичъ не оробѣлъ и сохранилъ полное присутствіе духа, а на Генерала напалъ страхъ, и онъ не смѣлъ не только ничего сдѣлать, но даже растерявшись извинялся предъ Матвеемъ Александровичемъ.

4) Эти послѣдніе два случая, хотя по видимому со сто-

роны Генерала Цыбульскаго оставлены были безъ вниманія, но корни недоброжелательства не были вырваны изъ сердца. Это подтверждается слѣдующимъ происшествіемъ. Въ одно время г. Цыбульскій былъ въ Твери; былъ и у Архіепископа Филарета (нынѣ Митрополитъ Московскій). На вопросъ Архіерея, что новаго, каково ведутъ себя Священноцерковнослужители, г. Цыбульскій не совсѣмъ одобрилъ Священниковъ, да нечисто аттестовалъ и Діакона: «у насъ въ селѣ надъ всѣми взялъ верхъ Діаконъ; что захочетъ, то и дѣлаетъ, и ему никто ни почемъ, ни Священникъ, ни господа».—Да что жъ онъ пьетъ или неспокоенъ въ характерѣ, спросилъ Архіерей?—«О, совсѣмъ нѣтъ; въ ротъ ничего не беретъ хмѣльнаго»,—и съ этими словами смѣшался... Подобная похвала не ускользнула отъ Филаретовскаго ума. Это докажется ниже.

5) Однажды Матвей Александровичъ желая идти въ одну изъ деревень Осѣченскаго прихода, для поученія живущихъ въ ней слову Божію, послалъ записку къ тому Священнику, на часть котораго принадлежала та деревня, прося благословенія. Священникъ сказалъ посланному «съ Богомъ», а записку положилъ въ щель стѣны около образовъ. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ къ Священнику гость, одинъ изъ благочинныхъ, и, по любопытству, вынувъ записку, прочиталъ; потомъ, обратясь къ хозяину, сталъ ему говорить: «что это значитъ? Какое имѣетъ право Дьяконъ при трехъ Священникахъ ходить по деревнямъ и учить, и чрезъ это отнимать у Священниковъ почтеніе и доходы?» На это Священникъ сколько ни старался убѣдить своего гостя, что все это дѣлается изъ одного благочестія, нисколько не касаясь корыстныхъ видовъ,—что они не могутъ запретить, потому что видятъ большую пользу церкви, расколъ въ приходѣ значительно уменьшился, а православные стали усерднѣе къ церкви, а все стараніемъ Дьякона, который не пользуется ничѣмъ вещественнымъ, ожидая награды отъ Бога,—но гость не могъ этого понять и остался при своемъ убѣжденіи. Не долго спустя, при-

ѣхалъ въ Вышній-Волочекъ Архіепископъ Филаретъ; вызвавши всѣхъ благочинныхъ къ себѣ, между другими наставленіями, сталъ дѣлать замѣчанія и на счетъ раскола, который въ тѣхъ годахъ сильно и повсемѣстно обнаруживался. Дошла очередь и до того благочиннаго, который читалъ вышеобъясненную записку Матвея Александровича. Владыка выговаривалъ ему объ умноженіи раскольниковъ, а онъ оправдывался тѣмъ, что не у него одного умножились раскольники, а повсемѣстно. На это Владыка возразилъ: «почему же въ Осѣчнѣ значительно уменьшились?» Тутъ блеснула мысль благочинному погубить Матвея Александровича, и онъ сказалъ: «въ Осѣчнѣ не Священники управляютъ приходомъ, а Дьяконъ: онъ ходитъ по домамъ съ книгами и читаетъ раскольникамъ, потому и не мудрено уменьшиться расколу». «А какъ зовутъ Дьякона?» спросилъ Владыка, — «не знаю, отвѣчалъ благочинный: Александръ или Александровъ». Въ эту же минуту Владыка взялъ карандашъ и записалъ. — Благочинный вышедши отъ Архипастыря хвалился, что онъ Осѣченскаго Дьякона знатно отхватавъ «за то, что не въ свое дѣло не суйся». Однако Богъ, чрезъ помазаннаго своего, устроилъ иначе. Владыка, отъѣзжая въ путь, призвалъ старшаго присутствующаго въ Вышневолоцкомъ Духовномъ Правленіи и сказалъ ему: «немедленно поѣзжай въ Осѣчно и отъ лица моего засвидѣтельствуй миръ и благословеніе Дьякону Матвею Александрову предъ лицомъ Священниковъ и всѣхъ церковнослужителей». И вотъ пріѣхалъ присутствующій, собралъ всѣхъ въ церковь и объявилъ Матвею Александровичу отъ Архипастыря миръ и благословеніе при всѣхъ. Какъ всѣ удивились! спрашивали: — за что такая милость? И никто не зналъ причины, даже исполнитель воли Архипастыря не зналъ, чѣмъ могъ отличиться молодой и неизвѣстный Дьяконъ.

Въ періодъ этого времени были еще два происшествія, необъяснимыя способностями души человѣческой. 1) Одинъ парень былъ умерши около шести дней; его водили на

тотъ свѣтъ и показывали свѣтлыя мѣста праведныхъ и темныя кануры грѣшниковъ; и въ томъ и другомъ мѣстѣ онъ видѣлъ знакомыхъ и изъ своей деревни; когда его вели, то видѣлъ, гдѣ и что люди дѣлаютъ. Матвей Александровичъ, спустя шесть дней послѣ смерти этого парня, пришелъ по должности Діакона поднимать тѣло, чтобы снести оное въ церковь и отпѣвши похоронить, но когда хотѣли брать тѣло съ лавки, на которой оно лежало подъ образами, то вдругъ этотъ парень всталъ и началъ говорить при всѣхъ, бывшихъ при этомъ случаѣ. 2) Въ проруби на Осѣченскомъ озерѣ утонула корова, принадлежащая Матвею Александровичу, которую онъ съ другими гонялъ поить, и потомъ она вышла изъ этой проруби: точно кто выпихнулъ ее изъ проруби, и она, отряхнувшись, вся мокрая, пошла домой.

Чтобы имѣть хотя маленькое понятіе о жизни, трудахъ и о скорби, которыми отличался Діаконъ Осѣченскій — Матвей Константиновскій — для этого, мнѣ кажется, довольно того, что написано выше. Теперь съ Божіею помощію буду писать о производствѣ Матвея Александровича во Священника и о жизни его въ Священникахъ.

Бѣжецкаго уѣзда въ приходѣ села Діева жилъ помѣщикъ, Флота Капитанъ 2-го ранга Яковъ Ивановичъ Демьяновъ. — У него была жена Авдотья Васильевна, которая и теперь еще въ живыхъ.... люди добрейшіе. Вотъ этотъ баринъ обратился однажды къ Тверскому Архипастырю Филарету съ просьбою, чтобы опредѣлить въ ихъ приходъ другаго Священника и именно изъ прихода села Тесьмы, который былъ родомъ изъ Діева, а Діевскаго Священника, за непорядочное его поведеніе, перевести въ другое село. Вѣроятно, что Владыка съ Демьяновымъ были въ хорошихъ между собою отношеніяхъ; потому что Владыка говорилъ въ это время Демьянову такимъ образомъ: «Вамъ, я вижу, хочется имѣть истиннаго пастыря и отца духовнаго». Баринъ отвѣчалъ: «точно такъ». — «Если такъ, сказалъ на это Владыка, то вы не того просите; я вамъ

дамъ Священника изъ Діаконовъ, которымъ вы будете довольны».

Это словесное распоряженіе подтвердилось въ послѣдствіи времени и на бумагѣ. 17-го Іюня 1820 года подана была къ Архіерею просьба отъ прихожанъ села Діева о непорядочномъ поведеніи Священника того села Ѳедора Алексѣева. За это Алексѣевъ по суду посланъ былъ въ монастырь на одинъ мѣсяць, съ запрещеніемъ служенія, въ черные монастырскіе труды, и переведенъ въ село Маслово Тверскаго уѣзда. И тутъ же, на журналѣ по-этому дѣлу, 20 Іюля того же года, послѣдовала слѣдующая собственноручная Архипастырская резолюція:—«а въ Діево не пожелаетъ ли Вышневолоцкаго уѣзда Осѣченскаго погоста Діаконъ Матвей Александровъ?—спросить его чрезъ Благочиннаго и какой дастъ отзывъ представить».

«Вотъ и пришелъ указъ домой на печку! Ну что, матушка, правду ли я говорилъ, что, если угодно будетъ Господу, чтобъ я былъ Священникомъ, — то буду и безъ просьбы моей?» такъ говорилъ въ это время Матвей Александровичъ съ своею матушкою.

Явившись же въ Вышневолоцкое Духовное Правленіе, онъ далъ слѣдующій отзывъ:

Копія.

«1820 года Августа 10 дня въ Вышневолоцкомъ Духовномъ Правленіи Вышневолоцкаго уѣзда погоста Осѣчни Діаконъ Матвей Александровъ, по выслушаніи присланнаго изъ Тверской Духовной Консисторіи въ оное Духовное Правленіе указа относительно отобранія отъ меня показанія, согласенъ ли я поступить Бѣжецкаго уѣзда въ село Діево на праздное мѣсто во Священника, симъ почтеннѣйше объяснить имѣю: поелику угодно Его Высокопреосвященству въ семъ вызовѣ явить мнѣ свое Архипастырское благоволеніе, то я, пріемля оное съ достоудѣльнымъ уваженіемъ, поступить на помянутое Священническое мѣсто не отрицаюсь. Къ сему объясненію погоста

Осѣчви Діаконъ Матвей Александровъ руку приложилъ. При семъ показаніи присутствовали: Строитель Іеромонахъ Мисаиль, Протоіерей Василій Петровъ, Петропавловскій Іерей Іоаннъ Александровъ».—На этомъ отзвѣ 25 Сентября того же года Владыка самъ написалъ слѣдующее: <учинить о Діаконѣ надлежащее дѣлопроизводство, и если по оному къ посвященію во Іерея сомнѣнія не окажется, то прислать его къ намъ для рукоположенія>.

Послѣ этого начались въ Консисторіи, кромѣ дѣлопроизводства, экзамены. Такъ 15 Октября того же года Матвей Александровичъ былъ экзаменованъ въ Консисторіи, и оказалось, что онъ по книгамъ читаетъ, поетъ по нотѣ и наслышкою хорошо. Кромѣ сего, 16 Октября свидѣтельствовавъ былъ еще въ нужныхъ для Священника предметахъ, и оказалось, что онъ истины Богословскія объясняетъ хорошо, уставъ церковный знаетъ хорошо; первыя правила Ариметики довольно знаетъ; пишетъ исправно и проповѣди сказывать можетъ. Экзаменовалъ Каедральнаго собора Священникъ Михаилъ Полубенскій.

Рукоположенъ во Священника Тверскимъ Архіепископомъ Симеономъ въ С.-Петербургѣ въ домово́й, Ярославскихъ Чудотворцевъ, церкви, что на Ярославскомъ Архіерейскомъ подворьѣ, 31 Октября 1820 года.

Съ 15 по 23 Ноября обучаемъ былъ священнослуженію и исправленію мірскихъ требъ въ Вознесенской г. Твери, что на проспектѣ, церкви Священникомъ Александромъ Васильевымъ.

28-го Ноября, по прибытіи въ село Діево, введенъ былъ во храмъ Введенія Пресвятыя Богородицы Благочиннымъ села Ильгощъ Священникомъ Андреемъ Николаевымъ.

Чего стоило это посвященіе,—какихъ скорбей отъ недостатка средствъ, отъ мытарствъ Консисторскихъ, перѣздовъ въ Волочекъ, Тверь, С.-Петербургъ, опять въ Тверь и въ Діево человѣку семейному и неимѣвшему ничего, кромѣ куска хлѣба, добываемаго своими руками, и то съ нуждою, — я описывать это не стану. Кто бывалъ въ

подобныхъ дѣлахъ, тотъ знаетъ и безъ меня, а звящему нужду по теоріи, а не на практикѣ, — трудно объяснять, и тѣмъ болѣе о человѣкѣ, который въ это время былъ доволенъ лаптями, сѣрымъ армякомъ, простыми рукавицами съ варишками, самымъ связанными, и шапкой-ушанкой такъ, какъ иной никогда не бываетъ доволенъ сапогами послѣдняго фасона, энотовою шубою съ бобровымъ воротникомъ, шапкою и куньею муфтою.

Въ приходѣ села Діева Матвей Александровичъ прослужилъ 12 лѣтъ, 4 мѣсяца и 15 дней. Здѣсь былъ совершенно другой образъ жизни, чѣмъ въ Осьчнѣ. Такъ онъ не сталъ заниматься работами и все попеченіе о домѣ и въ полѣ предоставилъ своей женѣ, Марьѣ Дмитріевнѣ, не потому, чтобы онъ не хотѣлъ этого, а потому, что, по Божьему соизволенію, сдѣлался боленъ и чрезъ это онъ былъ какъ бы прикрытъ необходимостью оставить крестьянскія работы. Въ самомъ же дѣлѣ у него была другая работа. Прихожане были Корелы, съ странными предразсудками, суевѣріями, занимались ворожбою; праздники полагали только въ томъ, чтобы побольше другъ передъ другомъ наварить пива, проводя оныя въ пьянствѣ, пѣсняхъ, нескромныхъ играхъ; лучше отличиться одинъ передъ другимъ какимъ нибудь неприличнымъ даже для слуха дѣломъ. Все это и другое тому подобное предстояло Матвею Александровичу искоренить: сердца приходящихъ къ нему (не только изъ своего прихода, но и изъ другихъ, сосѣднихъ) обработавши, удобрить слезами сокрушенія и поканіемъ, посѣять въ нихъ слово Божіе; кратко скажу, просвѣтитъ свѣтомъ святаго Евангелія, въ чемъ онъ, съ Божіею помощію, и успѣлъ.

Но сколько имъ пролито поту, положено трудовъ и перенесено болѣзней въ этомъ благовѣстіи Христовомъ? Кто можетъ описать все это? Да ежели бы кто и вздумалъ написать, кто повѣритъ тому, что было? Служба въ церкви, за исключеніемъ немногихъ простыхъ дней, была постоянно въ каждый Воскресный, Праздничный и Высоко-

торжественный день и за каждую обѣдню были дѣлаемы изустно поученія. Кромѣ сего, на праздники и на Воскресные дни многіе приходили въ домъ ночевать; съ вечера Матвей Александровичъ самъ читалъ изъ Святаго Евангелія, Св. Апостоловъ, житія Святыхъ и поученія Святыхъ, а иногда заставлялъ свою дочь, дѣвицу Акулину, читать прологи или изъ Четыи Миней. Наконецъ, въ домѣ стало неудобно: свое семейство, дѣти малые, а народу стало собираться много. А потому Матвей Александровичъ началъ уходить въ церковь, гдѣ въ поученіи слова Божія и проводилъ время съ собиравшимися христіанами.

По прїѣздѣ въ Діево, не успѣли еще завестись хорошо хозяйствомъ, какъ прїѣхалъ женихъ (нынѣ Священникъ Ржевской Христорождественской церкви) Маркіанъ Григорьевичъ за вторую сестру Матвея Александровича, Аграфену, которой едва ли тогда было 15 лѣтъ. Несмотря на это Матвей Александровичъ рѣшился отдать; хотя въ то время денегъ былъ одинъ пятиалтынный на лицо, но онъ надѣялся на Бога, а не на деньги; отдалъ все, что было въ домѣ, лошадь, корову, овцу; а Марья Дмитріевна отдавала свое приданое (о которомъ я сказалъ выше), но женихъ этого приданого не взялъ, потому что оно было русское, а требовалъ нѣмецкаго. И Матвей Александровичъ далъ все, что требовали, а самъ остался съ одной хромою лошадью, да болѣе 1000 руб. нажилъ долгу.

Однако Господь не оставилъ своего раба и, видимо, помогъ; послалъ и лошадей, и всякаго скота, и долги были заплачены всѣмъ. А главный источникъ Богъ послалъ вотъ откуда: въ сосѣднемъ приходѣ съ селомъ Діевои жилъ богатый баринъ, Подпоручикъ Осипъ Никитичъ Кожинъ, съ супругою Екатериною Петровною; у нихъ было два сына Дмитрій и Николай. Г. Кожинъ сдѣлалъ Матвею Александровичу предложеніе ѣздить къ нимъ въ домъ два раза въ недѣлю (ѣзда была верхомъ, потому что иначе не проѣхать, по причинѣ дурной дороги)—учить дѣтей ихъ Закону Божию, за что и платилъ по 50 руб. ассигн. въ мѣсяцъ.

Этимъ средствомъ Матвей Александровичъ не только расплатился съ долгами, но сыгралъ еще третью свадьбу: сестру Марьи Дмитріевны, дѣвицу Ольгу Дмитріевну, выдалъ также за студента, опредѣленнаго во Священника села Млевичи, а вмѣсто ея взялъ къ себѣ въ домъ другую сестру Марьи Дмитріевны, вдову Татьяну Дмитріевну, съ дочерью Анною, которую выдалъ въ замужество уже изъ села Еська за причетника, опредѣленнаго, въ послѣдствіе времени, по просьбѣ прихожанъ, дьякономъ въ селѣ Мицынѣ Весегонскаго уѣзда.

Я забылъ сказать прежде, что Матвей Александровичъ кончилъ курсъ въ чахоткѣ, и въ продолженіе времени эта болѣзнь болѣе и болѣе усиливалась; но отъ оной онъ изцѣленъ Св. Благовѣрною Княгинею Ульяніею. Дѣло было вотъ какъ. Однажды съ Марьею Дмитріевною онъ ѣздилъ изъ села Осѣчни въ с. Упирвичи къ своему тестю; дорога мимо Торжка. Въ это время въ Торжкѣ начали строить новую каменную Соборную церковь, и, копая бутъ, нашли мощи Св. Благовѣрной Княгини Ульяніи, отъ которыхъ совершались безчисленные чудеса. Матвей Александровичъ и Марья Дмитріевна пошли поклониться этимъ мощамъ, которыя еще не были вынуты изъ земли; только во рву, гдѣ стоялъ каменный гробъ, была вода; эту воду больные пили и получали изцѣленія. Матвей Александровичъ напился этой воды, съ грязью смѣшанной, и въ ту же минуту почувствовалъ себя совершенно здоровымъ:—и болѣзнь эта не возвращалась до самой кончины.

Между тѣмъ, отъ непрестанныхъ трудовъ и попеченій о хозяйствѣ Марья Дмитріевна такъ стала слаба и больна, особенно головою болью предъ переменною погоды, что иногда едва могла ходить, а въ другой разъ и съ постели не могла вставать. Земли было много, но неудобная,—ялъ и камень; трудовъ требовалось еще больше, а урожай былъ малъ,—не говоря о другихъ огорченіяхъ, причиняемыхъ либо увозомъ сѣна, складеннаго въ копны, либо, бывало, зажнуть созрѣвшій хлѣбъ на полосахъ

(это ворожба, она известна въ деревняхъ, да понятна безъ объясненій и въ городахъ). — По этимъ причинамъ Марья Дмитриевна стала просить Батюшку перемѣнить мѣсто, и именно вытти въ какой либо городъ.

Желая служить у гроба Благочестивой Княгини Ульяніи, за дарованное Ею излѣченіе отъ болѣзни, и убѣждаясь просьбою своей жены о перемѣнѣ мѣста,—Батюшка рѣшился ѣхать въ Торжокъ и проситься въ Соборъ, и, прослуживъ у гроба Св. Мученицы—Княгини Ульяніи цѣлую недѣлю, воротился назадъ въ Діево. Богу неугодно было, чтобы онъ былъ на этомъ мѣстѣ. Протоіерей и другіе Священники не дали Матвею Александровичу одобренія, потому что они знали духовную жизнь его и не захотѣли имѣть товарища, который былъ бы не одного духа. Къ періоду этого времени относится еще слѣдующее обстоятельство, достойное, по моему мнѣнію, замѣчанія.

Бѣжецкаго уѣзда въ Раменскомъ приходѣ, отъ Діева верстахъ въ 20, жилъ помѣщикъ Матвей Ивановичъ Уминовъ; у него была жена Настасья Владиміровна... люди добрейшіе. По долгу всякаго человѣка, — поживешь и умрешь,—и Г. Уминовъ жилъ и умеръ. Послѣ его смерти, Батюшка поѣхалъ навѣстить Настасью Владиміровну. Какъ она была рада пріѣзду,—выразить не умѣю. Между другими разговорами Настасья Владиміровна начала говорить слѣдующее: «ахъ, Батюшка, еще скажу вамъ одну вещь; вы знаете, что мой мужъ любилъ собирать картинки; была у него одна, но что на ней было написано, не знаю; только вотъ ужъ цѣлая недѣля прошла, какъ ее ищу, и никакъ не могу найти; измучилась искавши; не знаю почему, а что-то внутри меня заставляетъ непременно отдать эту картину вамъ.—«Давайте-ка поищемъ, былъ отвѣтъ на это Батюшки».—Вотъ и взялись искать по комодамъ, по шкафамъ, по гардеропамъ; наконецъ, въ лакейской, за шкафомъ, въ которомъ была всякая всячина, нашли что-то свернутое въ трубку, въ пыли, въ сору; развернули... и Настасья Владиміровна обрадова-

лась и сказала: «вотъ она, сдѣлайте милость, возьмите, Батюшка!» Но что было написано, по ветхости самой картины и запачканности, разобрать было нельзя. Возвратившись домой, онъ въ ту же секунду принялся за работу; взялъ теплой воды, мыла и давай мыть картину на столѣ. Долго трудился... но за то, что показалось на этой картинѣ! «Господь Саваоѣ!» Вставить въ рамку образъ этотъ не было никакой возможности, за ветхостію полотна, на которомъ онъ былъ написанъ. Выискался въ Бѣжецкой тюрьмѣ мастеръ, который положилъ этотъ образъ на бумагу, подклеивши, и немного въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подправилъ, отчего образъ этотъ вышелъ сдѣланнымъ какъ бы на стекларусѣ, и въ такомъ видѣ онъ былъ съ Батюшкой всегда, а теперь находится у его сына, Священника Дмитрія Константиновскаго.

Кромѣ сего, по клировымъ вѣдомостямъ (тотъ же формулярный списокъ у насъ) значитъ, что Батюшка за ревностное прохожденіе должности 1826 года Февраля 25 дня награжденъ набедренникомъ, а съ 1827 года преподавалъ Катихизическое ученіе въ своей церкви.

Въ Діевѣ при Матвеѣ Александровичѣ отстроилась новая каменная церковь. Сколько трудовъ и заботъ строителямъ церквей, особенно при недостаточности средствъ, это извѣстно и безъ описанія.

Здѣсь нужно написать о воспріемникѣ дѣтей Матвея Александровича, Артиллеріи Штабсъ-Капитанѣ Евграфѣ Евграфовичѣ Сысоевѣ, воинѣ 812 года; но онъ живъ и убѣдительно просилъ меня ничего объ немъ не писать, въ чемъ до времени я и далъ ему слово.

Однажды нѣкая старушка, дѣвица Мавра Петровна приходитъ къ Матвею Александровичу съ горькими слезами. Когда спросили у ней причину слезъ, то она рыдая сказала, что видѣла видѣніе, будто Батюшка гдѣ-то въ церкви у Престола Господня стоитъ въ камилавкѣ и въ крестахъ съ Св. Николаемъ Чудотворцемъ, и ей сказали, что Батюшка тутъ (въ Діевѣ) съ ними жить больше

не будетъ: его возьмутъ въ другое мѣсто, гдѣ онъ нуженъ. Сколько Матвей Александровичъ ни утѣшалъ ее, но она была неутѣшна, говоря, что ему у нихъ жить недолго. «Живши въ Діевѣ, пришло такое время, что я былъ ни на дворѣ, ни на улицѣ»,—сказалъ мнѣ однажды Батюшка въ Ржевѣ. Послѣ сказаннаго Маврою Петровною видѣнія не прошло недѣли, какъ пріѣхалъ жившій прежде въ Осѣчнѣ красильщикъ Парамонъ Тихоновичъ съ предложеніемъ перейти на праздное Священническое мѣсто въ село Есько того же уѣзда, на что Матвей Александровичъ и согласился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріали для біографіи Ржевскаго Протоіерея Матвея Александровича Константиновскаго ¹⁾.

Въ селѣ Еськахъ Батюшка Матвей Александровичъ пробылъ 3 года 4 мѣсяца и 1 день. Здѣсь жизнь его, въ отношеніи проповѣданія слова Божія, не перемѣнилась противъ той, какую онъ велъ въ Діевѣ. За то со стороны другого комплекта священноцерковнослужителей возбудилъ къ себѣ большую зависть и ненависть: зависть отъ того, что изъ части другого комплекта собирались къ нему не менѣе своихъ прихожанъ, а ненависть отъ того, что прихожане села Еська были увѣрены въ святости Матвея Александровича, простирающейся до фанатизма. Здѣсь, вмѣсто предполагаемаго покоя отъ трудовъ по обработкѣ полей, открылась борьба или лучше война съ ненавистникомъ слова Божія, — діаволомъ, который употребилъ для сего орудіемъ священноцерковнослужителей села Еська и Благочиннаго, погоста Спасо-Талицъ Священника Іоанна Егорова Градницкаго. Сей послѣдній, 21 Декабря 1833 года, обязывалъ Матвея Александровича подпискою, — «чтобъ бываемое въ домѣ его съ собирающимися прихожанами пѣніе и чтеніе слова Божія въ ночное время прекратить и въ церкви не произносить устно слово Божіе впредь», а 31 Декабря того же года Градницкій донесъ объ этихъ собраніяхъ бывшему Архіепископу Тверскому и Кашинскому Григорію, по резолюціи

¹⁾ Продолженіе. См. майскую вн. Душ. Чтен. 1909 г.

котораго, 31 Января 1834 года, Присутствующимъ Бѣжецкаго Духовнаго Правленія, Богословской церкви Священникомъ Георгіемъ Даниловымъ, Матвей Александровичъ о нижеслѣдующемъ секретно спрашиванъ и показалъ:

Копія.

1) Собранія въ домѣ Александрова начались еще по опредѣленіи его въ Дьяконы 1814 г. Вышневолоцкаго уѣзда въ погостъ Осѣчню.

2) Онѣя собранія, по началу, были послѣ заутрени до обѣдни только въ Воскресные и Праздничные дни; и къ утвержденію того и другого представляю свидѣтелями погоста Осѣчни Священниковъ: Андрея Семенова, Іоанна Михайлова и Алексѣя Спиридонова, Діакона Василья Васильева, дьячковъ: Петра Данилова, Ивана Васильева и Гавріила Васильева, пономарей: Александра Петрова и Ефима Данилова.

3) Собранія сіи начались единственно по усердію его, Александрова, къ чтенію слова Божія и таковому же усердію желающихъ слышать оное, безъ всякаго другаго случая.

4) Собирались къ нему, Александрову, въ домъ обоего пола люди.

5) Когда онъ, Александровъ, былъ въ Осѣчнѣ Дьякономъ, то собирались къ нему люди всѣхъ возрастовъ, кромѣ отроческаго. Когда же онъ, Александровъ, переведенъ былъ во Священника въ село Діево Бѣжецкаго уѣзда, то собирались къ нему люди также въ воскресные и праздничные дни послѣ заутрени до обѣдни въ церкви; а послѣ обѣдни въ домѣ собирались изрѣдка и понемногу; въ послѣдній же годъ его бытія въ Діевѣ, что было въ 1832 году, собирались въ церкви въ вечернее время до десяти часовъ пополудни; а по переведеніи его въ село Есько сперва собирались къ нему въ домъ только въ воскресные и праздничные дни послѣ обѣда до вечерни взрослые, а съ Октября мѣсяца и по 20-е Декабря про-

текашаго 1833 года собирались и послѣ вечерни, не исключая и отроческаго возраста.

6) Собирались большею частію свои прихожане, а иногда немногіе приходили и изъ другихъ приходо́въ:—кто именно изъ другихъ приходо́въ онъ, Александровъ, ихъ не спрашивалъ и именно сказать не можетъ.

7) Чужіе прихожане привлекаемы были на сіи собранія, какъ полагаетъ онъ, Александровъ, провѣдавъ о нихъ отъ своихъ прихожанъ, которыхъ онъ о приглашеніи другихъ на сіи собранія никогда не просилъ и не внушалъ.

8) По переводеніи его, Александрова, въ село Есько собирались къ нему сперва въ воскресные и праздничные дни, а особенно на то установленныя дней не было, а съ первыхъ чиселъ Октября по 20-е Декабря каждагодневно.

9) Продолжались оныя собранія не далѣе 10-ти часовъ пополудни, а во всю ночь никогда не бывало.

10) Въ сихъ собраніяхъ онъ, Александровъ, читалъ иногда житія Святыхъ, а иногда поученія преподобнаго Сирина и Златоуста, по требованію самого собранія, а иногда изъ Евангелія и Апостоловъ: Іакова, Петра и 12-ю главу Апостола Павла къ Римлянамъ, и устно объяснялъ, что неудобовразумительно для нихъ.

11) Иногда онъ, Александровъ, въ сихъ собраніяхъ говорилъ и устные поученія, то объясняя догматы вѣры, въ символъ содержащіеся, то правоучительныя о христіанской жизни; въ чемъ ссылается на крестьянъ того села, именно: Ѳедора Сергѣева, Парамона Тиханова, Степана Алексѣева, Матвея и Григорья Степановыхъ.

12) Было въ оныхъ собраніяхъ и пѣніе, которымъ занимались отъ мала до велика, и пѣли наиболѣе: «Царю Небесный», «о Пресладкій Іисусе», «о Всепѣтая Мати», догматики имъ извѣстные и чаще поемые ирмосы, а иногда—славословіе великое, изрѣдка—«Тебе Бога хвалимъ», «Высшую небесъ», «достойно есть яко воистину» «вѣрую» (символъ) и молитву «Отче нашъ», и «се женихъ грядетъ въ полунощи».

13) Во время сихъ собраній возжигаема была лампада съ елеемъ предъ образомъ Спасителя, Божія Матери, а иногда двѣ и три восковыя свѣчи. Масло на счетъ Священника Александрова, а свѣчи иногда приносятся были приходящими, въ чемъ свидѣтельствуюсь тѣми же выше-помянутыми крестьянами.

14) Во время пѣнія стоятъ на полу въ комнатѣ предъ иконами, а во время чтенія сидятъ на лавкахъ и на полу.

15) Онъ, Александровъ, людей, бывающихъ въ сихъ собраніяхъ, безъ надлежащаго приуготовленія, и только потому, что бываютъ у него въ собраніи, никого не причащалъ въ своей церкви, кромѣ крестьянина села Еська Федора Сергѣева, который, хотя ходилъ, но говорилъ, что онъ чувствуетъ себя нездоровымъ, — по его просьбѣ 27 числа Маія приобщилъ, и еще Селецкаго прихода крестьянина Михаила, деревни не упоминуть, и двухъ Валдайскаго уѣзда странниковъ, идущихъ въ Кіевъ и по Святымъ Угодникамъ, коихъ имя одного Елисей, а другаго не припомнить (и селеній ихъ не знаетъ), отдыхавшихъ у него, Александрова, около двухъ сутокъ, по ихъ прошенію и желанію, съ надлежащимъ приуготовленіемъ и исповѣдью. Въ чемъ ссылаюсь на священно-служителей села Еська.

16) Желających причащаться съ надлежащимъ приуготовленіемъ онъ, Александровъ, причащалъ во всѣ четыре поста, въ субботу и въ Воскресенье, а въ другое время никого не причащалъ, кромѣ вышеозначенныхъ села Еська, Селецкаго и двухъ странствующихъ крестьянъ, по неотступной ихъ просьбѣ.

17) Въ церкви поученія говорилъ устно безъ надлежащей цензуры.

18) Таковыя поученія говорилъ каждое Воскресенье и каждый праздничный день своей очередной недѣли. Въ чемъ свидѣтельствуюсь на священноцерковнослужителей того села и прихожанъ.

19) Говорилъ поученія всегда изъ текстовъ Евангелій

дневныхъ, болѣе и чаще о назиданіи внутренняго чело-
вѣка, о суетѣ и кратковременности жизни человѣческой,
о будущей жизни, о безконечномъ воздаяніи праведнымъ
и о мукѣ, ожидающей грѣшниковъ нераскаянныхъ, и о
судѣ страшномъ и второмъ пришествіи въ міръ Христа
Спасителя. Въ чемъ также ссылаюсь на священноцерков-
нослужителей и прихожанъ того села.

20) Безъ цензуры говорилъ онъ, Александровъ, потому,
что не писалъ напередъ и послѣ говоренія, впрочемъ ни
мало не сумнѣваясь въ ихъ пользѣ для слушателей, такъ
какъ онъ заимствовалъ всѣ мысли для своихъ поученій
изъ многократно-читанныхъ имъ: Ефрема Сирина, Злато-
устова и писателя лѣстницы Іоанна и другихъ сочиненій.

21) По первому запрещенію мѣстнаго Благочиннаго со-
бравій не прекратилъ, потому что онъ совѣтовалъ только,
а онъ противуполагалъ себѣ важность обязанности Свя-
щеннической касательно проповѣданія слова Божія, живо
и сильно выраженной Апостоломъ Павломъ въ сихъ сло-
вахъ: «горе мнѣ, аще не благовѣствую».

22) По второму прямо запрещенію мѣстнаго Благочин-
наго, со времени данной имъ, Александровымъ, ему, Благо-
чинному, подписки, сіи собранія съ 20 числа Декабря
1833 года и по сіе время прекращены.

23) Изъ другихъ приходовъ причастниковъ не бываетъ,
кромѣ вышепрописанныхъ Селецкого прихожанина и Вал-
дайскаго узда двоихъ, которыхъ Александровъ допустилъ
по неотступной ихъ просьбѣ. Въ чемъ ссылаюсь на свя-
щенноцерковнослужителей села Еська.

Священникъ Матвей Александровъ Константиновскій
противъ показанія Священника Николая Іоаннова и Діа-
кона Тимофея Петрова спрашиванъ и показалъ:

Противъ 6-го пункта. Собирались къ нему, Алексан-
дрову, изъ части Священника Николая Иванова не менѣ,
какъ и своихъ прихожанъ; и изъ приходовъ: Котовскаго,
Порѣцкаго, Чижевскаго и Узменскаго многіе приходили,
а именно ли изъ тѣхъ приходовъ, — того онъ, Алексан-
дровъ, такъ какъ ихъ не знаетъ, и утвердить не можетъ.

Противъ 7-го пункта. Онъ, Александровъ, разглашать о бывающихъ въ его домѣ собраніяхъ въ чужихъ приходахъ никого не просилъ и рассказывать о своей святости никому не внушалъ, и что Узменскій Священникъ Никита Лукинъ замѣтилъ отъ него, Александрова, нарочно посланнаго для того—быть не можетъ, чего и самъ Священникъ Лукинъ на него, Александрова, по священству не можетъ показать.

Противъ 9-го пункта. При расходѣ собранія изъ дома Священника Александрова отправлялись нѣкоторые съ фонарями въ часовню, отстоящую не менѣе версты отъ села, и, оттуда возвратившись, заходили въ домъ крестьянина Федора Сергѣева и пѣто тамъ слѣдующее: «Ложе, мое ложе и далѣе». Но онъ, Александровъ, никакого имъ къ тому не подавалъ повода и, какъ скоро узналъ о томъ обстоятельстве, совѣтовалъ имъ и то, в другое прекратить, что вскорѣ и исполнено.

Противъ 15 пункта. Изъ людей, бывающихъ въ собраніи, въ домѣ его, Александрова, онъ, Александровъ, никого въ церкви, кромѣ помянутыхъ въ прежнемъ показаніи, не причащалъ. Прописанное происшествіе въ церкви 27 числа Маія въ мясоястіе справедливо; но онъ, Александровъ, не имѣлъ намѣренія причастить послѣ сего происшествія, а только, пораженъ будучи внезапнымъ поступкомъ означеннаго крестьянина Сергѣева, стоялъ еще внѣ алтаря съ вынесенными св. дарами и увѣщевалъ его примириться съ обиженною имъ женщиною. Таковая медленность возвращенія въ алтарь, безъ сомнѣнія, подала поводъ Священнику Иванову въ алтарь подумать, что онъ, Александровъ, несмотря на сіе, намѣренъ его причастить, и потому онъ, возвратясь въ алтарь, докончилъ литургію по надлежащему, не причастивъ его въ церкви. По окончаніи же всего возвратился домой, куда немедленно пришедши, мать означеннаго крестьянина просила его, Александрова, неотступно причастить больного, а какъ ему, Александрову, извѣстно было болѣзненное по-

мѣшательство въ умѣ въ ономъ крестьянинѣ, о которомъ и причастники должны быть извѣстны, то онъ, Александровъ, и пошелъ къ нему въ домъ съ запасными Святыми дарами, а между тѣмъ приказалъ дать знать дьячку Абраму Антонову, чтобы онъ немедленно приходилъ къ помянутому крестьянину, при которомъ онъ, Александровъ, яко больного, и причастилъ, а донести о семъ поступкѣ Федора Сергѣева въ свое время опустилъ не по другимъ какимъ-либо причинамъ, какъ только по своей оплошности и забвенію своей обязанности.

Противъ 16-го пункта. Можетъ быть, онъ, Александровъ, кого и причащалъ въ мясоостіе, только онъ того не припомнить.

Противъ 20 пункта. Безъ приуготовленія говорилъ проповѣди, какъ о исчисленныхъ мною въ прежнемъ показаніи предметахъ,—и наиболѣе объ ужасахъ ада—справедливо можетъ быть, потому что онъ не замѣтилъ, сколько разъ о семъ говорилъ.

Противъ 23-го пункта. Послѣ запрещенія ему, Александрову, хотя и были въ домѣ его днемъ собранія, но это во первыхъ потому, что и Благочинный ему въ томъ не только не запрещалъ, но совѣтовалъ, считая должною Священника обязанностію; а во-вторыхъ, въ воскресные только дни изрѣдка и весьма въ маломъ количествѣ, не болѣе 7 и 8 человекъ; а что касается до помѣщенія своихъ мыслей и выраженій при сказываніи Синодскихъ проповѣдей, то сіе дѣйствительно было потому именно, что въ нихъ встрѣчались статьи, не принадлежащія сословію крестьянъ, которыя онъ, Александровъ, находилъ нужнымъ замѣщать приличными обстоятельствамъ своихъ прихожанъ и мыслями, и объясненіями, въ чемъ и ссылается также на священноцерковнослужителей.

Что за пѣсня или кантъ «ложе, мое ложе»? Вотъ она,—слово въ слово, какъ доставлена мнѣ:

Ложе ты, мое ложе,
На смерть ты похоже;

Гробы вы, наши гробы,—
Вѣковѣчные наши дома.
Какъ во гробъ-то насъ положить
И бѣлы руки къ сердцу сложать,
Гробовой доской покроютъ,
Въ мать сыру землю зароютъ,
Вѣчну память намъ воскликнуть.
И мы станемъ тамъ лежати,
Поры-время дожидати,
Когда въ трубушку вострубятъ,
Мертвыхъ всѣхъ отъ сна возбуждать.
И хотя мы явимся негожи,
Но должны будемъ идти на судъ Божій.
Тамъ намъ будутъ двѣ дороги—
Широки, долги и неровны;
У нихъ нѣту конца-краю,
И одна ведетъ во адъ, другая къ раю.
Какъ по правой по дорожкѣ
Много будетъ остановки;
Туда мало людей идетъ
(Хотя рай издали видѣнъ)
Ко царствію безконечному,
Къ самому Христу Небесному,
Ко престолу ко Господнему,
Откуда зрѣть Онъ въ преисподнюю.
Какъ по лѣвой по дорожкѣ
Мало будетъ остановки:
Туда много людей идетъ,
Хотя и адъ съ огнемъ имъ видѣнъ,
Но идутъ въ тьму кромѣшную—
На муку безконечную.

Подобные этому канты отпечатаны въ Отечественныхъ Запискахъ за январь мѣсяцъ 1858 года; рядомъ съ нескромными пѣснями. Ладно ли это сдѣлано,—не мое дѣло судить объ этомъ; только я слышалъ отзывъ, что, подшучивая публично надъ расколомъ, не слѣдовало для

этого употреблять канты нравственно-религіознаго содержанія, хотя бы они были сложены и не по правилам поэзіи, а еще болѣе печатать ихъ вмѣстѣ съ нескромными пѣснями. Смѣсь эта, повидимому, ничтожная, но она, заставляя улыбаться, служить подрывомъ православію.

Въ дѣлахъ же гражданскихъ и духовныхъ, въ свѣдѣніяхъ о расколѣ по Тверской губерніи записано, что съ 1850 года открылась въ Бѣжецкомъ уѣздѣ секта, которой еще и названія официально не усвоено, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Богомоловъ. Общество ихъ состоитъ изъ одного сословія крестьянъ. Они ревностно посѣщаютъ православные храмы, постоянно говѣютъ въ посты и приобщаются Святыхъ Таинъ. Уваженіе ихъ къ православному духовенству и прочіе знаки внѣшняго христіанскаго благочинія безукоризненны. Но особенность ихъ нравственной жизни состоитъ въ томъ, что они рѣшительно отвергаютъ брачную жизнь (совершенная неправда: они живутъ по завѣщанію Апостола, перв. Корине., гл. 7, ст. 8, 9, 32, 33 и 38). Никогда не участвуютъ въ общественныхъ увеселеніяхъ, даже самыхъ обыкновенныхъ въ крестьянскомъ быту; въ праздники, послѣ церковной службы, дома они продолжаютъ молитвы, поютъ акаѣисты; разговоры ведутъ тихіе и невеселые; самыя пѣсни ихъ унылыя и состоятъ изъ стиховъ духовнаго содержанія, изображающихъ суеты жизни, вѣчныя мученія, сладость рая и т. п.; лица ихъ отличаются выраженіемъ тоски, одежда черная. Большою частію секта сія состоитъ изъ дѣвицъ, вдовъ и пожилыхъ, неженатыхъ, мужчинъ; есть между ними и женатые, но замѣчается, что, по вступленіи въ общество Богомоловъ, у супруговъ не бываетъ болѣе дѣтей. И это названо расколомъ, а Богомолы—еретиками; желалъ бы знать, въ чемъ же состоитъ православіе?!?

Въ этихъ же свѣдѣніяхъ написано еще краше: наставники и руководители вышеозначенной равно-ангельской

жизни названы «коноводами»; слѣдовательно, Богомолы суть лошади или кони?!?

А эти названія допускаетъ нашъ Святѣйшій Синодъ?!? Чего же ждать отъ власти свѣтской?

Господи Боже нашъ! сотвори, да не попирается Твой Сынъ, да не мнится за скверну Завѣтная Кровь, которою мы освящаемся, и да не укоряется благодать Святаго Духа Твоего! аминь (Евр. гл. 10, ст. 29).

Въ числѣ наставниковъ вышеобъясненной секты Богомолловъ первымъ выказанъ по Бѣжецкому уѣзду Селецкого прихода деревни Житникова крестьянинъ Михаилъ Ооминъ и другіе (см. объ немъ выше 15-й пунктъ показанія батюшки).

Изъ всего этого ясно видно, что во главѣ между Богомолами и первымъ былъ батюшка Матвей Александровичъ; въ Ржевѣ этихъ людей называли «Матвейстами» и «секты Матвеевской» ¹⁾.

Чѣмъ же кончилось дѣло по доносу Благодѣйнаго Градницкаго объ означенныхъ собраніяхъ? Положительныхъ свѣдѣній нѣтъ; видно только, что Градницкій, какъ неблагонадежный, удаленъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ священникъ села Алабузина; имъ предписано было архіепископомъ Григоріемъ (нынѣ митрополитъ С.-Петербургскій) наблюдать за образомъ жизни батюшки; а о томъ, быть или не быть собраніямъ, въ резолюціи такъ сказано темно, что никакъ не угадаешь, чего хотѣлъ архипастырь: рѣшительно воспретить ихъ онъ, кажется, колебался, потому что видѣлъ пользу въ проповѣданіи слова Божія, а между тѣмъ и допустить ихъ не рѣшался, сомнѣваясь въ то время, какъ человѣкъ, въ свѣтлости мыслей батюшки, въ святости котораго народъ былъ вполне увѣренъ.

За то гораздо интереснѣе по этому предмету словесное

¹⁾ Все, касающееся Матвеевской секты, обвиненій священниковъ и пр.,—въ біографіи, которая дана Грѣшищевымъ, опущено.

рѣшеніе означеннаго архипастыря. Лѣтомъ 1835 года, обозрѣвая ввѣренную ему паству, онъ былъ и въ г. Бѣжецкѣ, куда приказано было явиться всѣмъ приходскимъ священникамъ Бѣжецкаго уѣзда. По этому приказанію явился и батюшка съ прочими въ соборъ. Здѣсь владыка позвалъ его въ алтарь. Долго говорили они предъ престоломъ, но о чемъ, про то знаютъ только они двое. Малая часть этого разговора мнѣ положительно извѣстна, но писать объ этомъ я боюсь, не имѣя на то позволенія отъ владыки, моего отца благодѣтеля по воспитанію. Послѣ же разговора въ алтарѣ, владыка вышелъ съ батюшкою царскими дверьми въ церковь и, указавши на него съ амвона прочимъ священно-церковно-служителямъ, бывшимъ здѣсь, вмѣсто поученія сказалъ: «вотъ вамъ образецъ, подражайте ему; и я болѣе ничего не желаю». Эти слова и до сихъ поръ помнятъ въ Бѣжецкѣ и уѣздѣ его.

Здѣсь кстати упомянуть о Бѣжецкой богадѣльнѣ, но о ней, хотя и съ пропусками о лицахъ благотворящихъ, напечатано уже въ четвертой книжкѣ «Современныя идеи православны ли», — еще о бѣжецкомъ мѣщанинѣ Гавріилѣ Ивановичѣ, который приносилъ батюшкѣ, предъ началомъ дѣла о собраніяхъ, гнилыхъ лимоновъ и луку, а предъ окончаніемъ дѣла подчивалъ пряниками. Если будетъ угодно Господу, то о Гавріилѣ Ивановичѣ будетъ написано по собраніи положительныхъ свѣдѣній.

Стоитъ обратить также вниманіе и на происшествіе, упоминаемое въ отвѣтѣ противъ 15 пункта. Вотъ оно: въ селѣ Еськахъ есть крестьянинъ Ѳеодоръ Сергѣевъ; онъ молился Богу, постоянно читая: «Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истинны» и до конца. И Господь услышалъ его молитву:—послалъ ему Духа Вѣдѣнія. Съ этимъ даромъ Сергѣевъ все сталъ знать; кто бы къ нему ни подходилъ съ какимъ вопросомъ, о настоящемъ, прошедшемъ или будущемъ,—на все отвѣчалъ вѣрно и положительно; многихъ останавливалъ отъ нехорошихъ дѣлъ, даже заду-

манныхъ только. Однажды женщина того же села Акинья Никитина (она была колдунья) съ злымъ намѣреніемъ приступала къ причастію. Сергѣевъ предъ выносомъ Св. Даровъ, во время причастнаго стиха, убѣждалъ ее не подходить и близко къ амвону; Никитина не слушалась; сначала оба говорили тихо, а потомъ во всю церковь шумѣть стали. Въ то время, когда вынесли чашу съ Св. Дарами, Сергѣевъ, возревновавши по Господѣ, ударилъ Никитину въ ухо... Много спустя послѣ, батюшка со слезами сказалъ мнѣ, что Сергѣевъ, не сумѣвъ сберечь этого дара, лишился онаго.

4 іюня 1836 года, на докладъ Тверской Духовной Консисторіи объ усматриваемыхъ ею кандидатахъ открывшагося при Ржевской Преображенской церкви празднаго священническаго мѣста, предъ другими священниками благонадежными: 1) Ржевскаго уѣзда, погоста Ракитни, Лукъ Ждановъ, 2) Зубцовскаго уѣзда, посада Погорѣлаго Городища, Евфимъ Николаевъ и 3) Бѣжецкаго уѣзда села Еська, Матвей Александровъ, послѣдовала слѣдующая архіепископа Григорія резолюція: «перемѣстить Матвея Александрова; по прибытіи его сюда въ Тверь, велѣть ему явиться ко мнѣ». вмѣстѣ съ этимъ, при указѣ Бѣжецкому Духовному Правленію, владыка послалъ собственноручное письмо батюшкѣ, коротенькое, — но весьма замѣчательное, — въ духъ восьмой главы Посл. Апост. Павла къ Римлянамъ; послѣднія слова были: «аще Богъ по насъ, кто на ны» ¹⁾.

Того же года и мѣсяца 29 числа, въ праздникъ Св. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, батюшка пріѣхалъ въ Ржевъ на одной лошадекъ, въ простой те-

¹⁾ Это письмо приведено полностью въ біографіи о. Матвѣя, составленной Грѣшищевымъ: „Отецъ Матей! Я хочу перевести тебя въ г. Ржевъ для дѣйствованія на раскольниковъ и въ руководство для сего теперь же посылаю тебѣ три книжки. Аще Богъ по насъ, то кто на ны? Григорій А. Тверскій“.

лѣжѣ, въ которой все имущество было помѣщено, и жена и четверо дѣтей.

Изъ Еська верстъ двадцать провожали прихожане, а нѣкоторые до Твери шли.

Въ Ржевѣ батюшка прожилъ 20 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 16 дней. Много дорогихъ матеріаловъ по г. Ржеву, для біографіи его, но писать о нихъ я боюсь, тѣмъ болѣе, что придется упоминать о такихъ лицахъ, безъ позволенія которыхъ я не могу на это рѣшиться, а главное нахожу себя не пришедшимъ еще въ мѣру того возраста духовнаго, въ которомъ только состоя можно писать неподражаемую жизнь батюшки съ чудными его дѣлами по городу Ржеву.
